

Пэй Цун последовал за Чезаре в его «дом».

Если это можно было назвать домом. Скорее, это было логово необузданного зверя.

Вокруг, словно каркас гигантского скелета, лежали обломки механизмов. Всюду были навалены подобранные ржавые металлические листы, кое-как защищавшие от ветра и дождя. В углу валялись несколько пустых жестяных банок, судя по всему, единственный источник пропитания.

Они находились в самом сердце загрязнённой зоны, где даже грабить было некого.

Пэй Цун окинул взглядом пространство, и на его лице не промелькнуло ни тени брезгливости. По сравнению с теми, кто на этой планете уже не мог удержать человеческий облик, пятнадцатилетний парень сумел создать поистине чистое и безопасное место.

Он считал, что его пятнадцатилетнее «я» – молодец.

Чезаре ничего не сказал. Медленно, не поворачиваясь спиной, чтобы не выдать ни единой слабости, он стянул с себя потрёпанную куртку.

Его пальцы нащупали в груди тряпья холодный ID-терминал и бесшумно просунули его в щель между металлическими листами.

Это было его сокровище, добытое у того самого Чезаре. Пропавший терминал можно было обменять на чёрном рынке как минимум на три регенерата.

— Давно у тебя сломался водоочиститель? — Пэй Цун, не спрашивая, присел на корточки и привычными движениями принялся разбирать старую систему очистки воды брошенного меха.

В прошлой жизни он так и не починил этот хлам, даже когда покидал эту дыру.

Теперь же, глядя на него свежим взглядом, он понял: эта штука, вероятно, была частью звёздного оборудования, которое просто выбросили на свалку. Кислотные дожди ещё не прошли, и если восстановить сердцевину циркуляционной системы, у них появится стабильный источник воды.

К его удаче, в углу свалки нашёлся старый, потрёпанный ящик с инструментами.

Фильтрующий модуль был на месте, но резервуар засорился намертво, а водяной контур полностью вышел из строя, из-за чего влажность воздуха в этой развалине была опасно низкой.

Пэй Цун осмотрелся, без тени стеснения влез в самый целый угол и устроился там, ничуть не брезгуя.

Чезаре посмотрел на него. «Значит, не впервой устраивается в чужих домах, а потом убивает хозяев. Я явно не первая его цель.»

Пэй Цун вскрыл отрезок трубы и дал указание:

— Подай смещённый зажим из ящика.

Чезаре молча подошёл, порылся в коробке с разбросанными деталями и протянул... совершенно не подходящий плазменный резак.

Пэй Цун бросил на него взгляд.

Чезаре швырнул инструмент обратно и снова нагнулся, вытаскивая что-то новое. Опять не то.

Пэй Цун прищурился и понял, в чём дело.

Чезаре просто не разбирался в этих инструментах.

Технологии на Планете Мусора были под жёстким запретом Федерации: никаких экспериментов, никаких разработок. «Законные граждане» главного города получали лишь базовое образование и под строгим контролем пользовались оружием, от которого Федерация уже давно отказалась.

А низшие загрязнённые и понятия не имели об основах механики или энергетики.

Если спросить жителя загрязнённой зоны, как собрать энергодвигатель, он просто вытащит кучу контрабандного хлама с чёрного рынка и будет действовать наугад.

В загрязнённой зоне даже базовые принципы были под запретом. Каждый канал, дающий доступ к знаниям Федерации, приходилось оплачивать собственной кровью.

В прошлой жизни точкой отсчёта для Пэй Цуна стали разобранные им механизмы и тела загрязнённых. Он выдирали провода из обломков, выковыривал повреждённые чипы из поврежденных в бою меха и по крупичкам собирал пазл.

В его мире не было «знаний». Всё познавалось глазами и руками, методом проб и ошибок. Ожоги, взрывы, а потом снова поиск обломков в руинах.

Он выменивал на чёрном рынке неполные детали, собирал из них оружие, чтобы украсть энергию уровнем выше, и, как крыса, рылся по всем уголкам планеты.

Он разбирал больше механизмов, чем убивал людей.

Нынешний Чезаре явно не был даже «низшим жителем». Он был диким зверем в полном смысле слова.

Пэй Цун не стал его поправлять, а просто перефразировал:

— Тогда подай самый тяжёлый.

Чезаре взглянул на него и в конце концов протянул вполне подходящий смещённый зажим.

Пальцы Пэй Цуна двигались по трубам. Каждое движение - откручивание болта, снятие детали - было отточенным и уверенным, словно он проделывал это тысячу раз.

Чезаре неотрывно следил за этими руками, впитывая каждое движение. Его память была превосходной, и он легко копировал действия. Даже если он не понимал сути, то, просто наблюдая за пальцами Пэй Цуна, мог угадать назначение некоторых деталей.

Пэй Цун заметил его взгляд и на мгновение замер, краем глаза скользнув по лицу Чезаре.

Пальцы юноши слегка дрогнули, в состоянии предельной концентрации неосознанно повторяя движения Пэй Цуна.

Пэй Цун внезапно заговорил:

— Руки у тебя соображают быстрее головы.

Он с силой провернул руку в обратную сторону, и почти починенная деталь снова развалилась. Другой рукой он схватил Чезаре за запястье.

Тот взглянул на его действия. Взгляд оставался холодным, тело было готово в любой момент вырваться.

Пэй Цун разжал его ладонь, вложил в неё настоящий смещённый зажим и поднялся:

— Теперь чини сам.

Чезаре быстро запоминал вещи, видимо, подсознательно уже обращал на них внимание. Научив парня разбираться в инструментах в ящике, Пэй Цун отправил его на практику.

Чезаре копался в грудe деталей, его движения были медленными и неуверенными. Взгляд опущен, длинные ресницы отбрасывали тень.

— Гидравлический клапан откручивается против часовой, — раздался спокойный голос Пэй Цуна. — Не перекрути трубу.

Чезаре послушно сменил направление, затем поднял голову и уставился на Пэй Цуна, не двигаясь.

— Потому что давление в гидравлической системе меняет направление при открытии и закрытии клапана. Повернешь по часовой - и газ пойдёт в обратку, а это взрыв, — ответил Пэй Цун на безмолвный вопрос. — Хочешь тут всё в воздух поднять, вперед.

Чезаре, следуя указаниям Пэй Цуна, разбирал детали и слушал его объяснения основ механики.

— Это квантовое ядро. При перегрузке через него можно сбросить энергию.

— Красный провод сюда, синий - к энергокамню. Перепутаешь - и сегодня будем пить грязную воду.

— ...

Голос Пэй Цуна был ровным, будто речь шла не о сложнейших механических принципах, а о том, как вскипятить чайник.

Чезаре сжимал в руке гаечный ключ, вбивая в память каждый поворот, каждое движение, каждое соединение.

— Всё понял?

Конденсатор издал низкое гудение, словно древний механизм готовился к запуску.

— Угу.

— Тогда попробуй подключи это. — Пэй Цун протянул ему полуготовую плату, взгляд был спокоен, без тени проверки или сомнения.

Чезаре взял её. Пальцы слегка дрожали, движения были замедленными, но в конце концов он нашёл разъем и успешно подключил плату.

Пэй Цун не торопил и не насмехался. Он просто молча наблюдал, будто в руках у того был не сложный механизм, а детский конструктор.

— Неплохо. Потом научу ещё чему-нибудь.

К первому уроку с новичком Пэй Цун не был слишком строг. Время помучить его ещё будет.

— Я научусь, — тихо произнёс Чезаре.

Пэй Цун кивнул, ничего не добавив. В глубине его глаз мерцал холодный, далёкий и непостижимый свет, словно звёзды в ночи.

Несколько дней они прожили в обломках, не мешая друг другу. Заодно Пэй Цун впихнул в Чезаре кучу разрозненных знаний.

Пэй Цун только открывал рот, когда пятнадцатилетний он сам подавал ему еду, и не чувствовал при этом ни капли угрызений совести.

Хотя в еде часто чувствовалась горечь змеиного яда, но раз это не было смертельно, Пэй Цун делал вид, что не замечает, и, зажимая нос, всё съедал.

Он не боялся ни смерти, ни яда. Для Чезаре происходящее было сродни вторжению грабителя в собственное логово.

Убедившись, что яд на Пэй Цуна не действует, Чезаре даже тайком ночью надрезал себе руку, собрал крови и отравил ею несколько зверей, проверяя силу яда.

Пэй Цун следил за ним украдкой и думал: «Как же забавно дразнить пятнадцатилетнего себя.»

Сидеть сложа руки долго не получилось, и вскоре им пришлось выйти на поиски пропитания.

Пэй Цун как раз хотел посмотреть, каковы результаты его тренировок.

Приёмы, которым учил Пэй Цун, были не просто для грубых драк. Это были точные, эффективные, беспощадные «техники убийства».

Он никогда не относился к Чезаре как к ребёнку, нуждающемуся в опеке, или хрупкому собрату.

Пэй Цун оттачивал лезвие.

Холодное, острое, которое будет действовать без промаха.

Угол, сила, контроль. Если тот хоть на миг замешкался или отклонялся на миллиметр, Пэй Цун заставлял Чезаре начинать сначала, даже если кости уже ныли от боли.

Он сам швырял его в грязь, учил, как перерезать глотку противнику в самый слабый момент, не щадя и покрывая синяками.

Что касается слабых мест загрязнённых с разными генами, Пэй Цун раскрывал их без утайки. Даже о слабостях летучей мыши он рассказывал подробно и ясно.

Боязнь света, чувствительность, уязвимость к высокой температуре...

Чезаре его не разочаровал. Скорее, поразил.

Приёмы Пэй Цуна были выстраданы кровью в прошлой жизни, но Чезаре усваивал их после одного показа.

И это породило в Пэй Цуне странное чувство «удовлетворения». Будто его прошлые страдания были не напрасны, раз теперь они лепили более сильного, более острого «себя».

В загрязнённой зоне, натываясь на людей, Пэй Цун спрашивал Чезаре, обижали ли они его.

Чезаре кивал, и Пэй Цун, ограбив, отдавал добычу ему на тренировку.

Ограбили они уже немало, и пока Чезаре ещё ни разу не качал головой.

«Бедный, — даже каменное сердце Пэй Цуна не выдержало. — Хорошо, что я появился, а то сколько ещё горя пришлось бы хлебнуть пятнадцатилетнему парнишке.»

Видя такой энтузиазм Пэй Цуна, Чезаре лишь смотрел на него своими тёмными, бездонными глазами, полными мрачного спокойствия.

Он не понимал. Разве они не пришли тайно нападать и грабить?

К чему вся эта горячность у Пэй Цуна?

<http://bllate.org/book/14659/1308544>